

А. С. Крымская

Первый советский спутник как ускоритель реформы американского образования: к 60-летию исторического события

4 октября 1957 г. в Советском Союзе состоялся запуск спутника Земли, который произвел сенсационное впечатление на западный мир, особенно на Соединенные Штаты. Это событие стало началом космической эры и усилило соревнование двух супердержав в политической и военной сферах. Академик Б. В. Раушенбах назвал этот период спортивно-романтическим, объясняя его следующим образом: «Спортивный характер процесса имел две стороны. Во-первых, все мы, работавшие в области создания космических аппаратов, испытывали эмоции, близкие спортсменам, — прийти первыми к финишу. Ведь одновременно нечто похожее делалось в США, и всем нам хотелось не пропустить вперед наших американских коллег. Это было совершенно искреннее чувство соревновательности. Во-вторых, результаты соревнования имели и политическое значение: в случае успеха руководство страны могло пользоваться завоеванным интернациональным престижем и поэтому щедро помогало нам. Романтический характер придавало нашей деятельности то, что все делалось впервые. Ничего не было известно, отсутствовал какой-либо предшествующий опыт, и мы чувствовали себя мореплавателями времен Колумба, отправившимися открывать новые земли»¹.

*Крымская Альбина
Самиуловна*
кандидат
педагогических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
институт культуры
(Санкт-Петербург,
Россия)

В США это событие имело и внутривнутриполитическое значение, что выразилось в пересмотре системы образования всех уровней обучения, завершившемся принятием Закона об образовании в целях национальной обороны (*National Defense Education Act, NDEA*) в сентябре 1958 г.

На протяжении 60 лет в США продолжались дискуссии о влиянии спутника на реформирование американского образования. Приводились различные доводы за и против. Выходили публикации в СМИ, научных журналах; кроме того, эта тема неоднократно становилась предметом монографических исследований². В этой статье я хочу показать, что помимо реформирования общей системы американского образования, последовавшего за запуском советского спутника, был еще один эффект от события 60-летней давности. Запуск спутника ускорил проведение переговоров по соглашению об обменах между СССР и США в области культуры, техники и образования и способствовал созданию в США центров по изучению СССР, которые и сегодня продолжают существовать, успешно выполняя не только образовательные, но и экспертные функции³.

В литературе распространены две точки зрения на вопрос о причинно-следственной связи запуска спутника и реформы американского образования. Сторонники первой полагают, что степень его влияния сильно преувеличена. В частности, в статье Джейсона Стоуна отмечалось, что утверждение о принятии Закона об образовании вследствие отсталости американской образовательной системы не подтверждалось никакими сведениями⁴. Автор полагал, что нельзя сравнивать системы образования двух стран при отсутствии международных стандартов. Острая критика системы образования сразу после запуска спутника и спекуляция страхами побудили конгресс принять Закон об образовании в целях национальной обороны.

Согласно другой точке зрения именно запуск советского спутника инициировал пересмотр системы образования в США. «Для многих спутник, — отмечает Джеффри Херольд, — представлял собой не только триумф советских научных и технологических компетенций, но, в конечном счете, и триумф советской образовательной системы. Именно русские школы, утверждали они (критики. — А. К.), создали ученых и инженеров, сделавших возможным этот подвиг. С другой стороны, многие думали, что Соединенные Штаты оказались вторыми в исследовании космоса, потому что их образовательная система была второй. Она не дала экспертов, которых требовал век науки и технологий. Неожиданно институт (образования. — А. К.), который был источником национальной гордости, стал козлом отпущения за национальную несостоятельность»⁵. В течение года критика в адрес правительства также разогревалась публикациями в средствах массовой информации. Одной из наиболее известных и цитируемых стала статья «Кризис в образовании», появившаяся в еженедельнике *Life* в марте 1958 г. В ней приводились результаты проведенного эксперимента: корреспонденты журнала изучили распорядок дня двух 16-летних подростков в СССР и США, следуя за ними повсюду с фотокамерами, следя за тем, как они учатся, чем интересуются, что читают, как проводят свободное от уроков время. Выяснилось, что советский школьник много читает, занимается в кружках, а также в спортивных секциях, в то время как американец в большей степени ведет праздный образ жизни. Фотографии сопровождалась

мнениями экспертов. Результаты эксперимента предварялись комментарием редколлегии: «В течение многих лет большинство критиков американского образования переживали комплекс Кассандры — всегда говорить правду, которую редко слушали или которой мало доверяли. Но теперь проклятие было снято. Тому, что они говорили, начинают верить. Школы находятся в ужасном состоянии. То, что уже давно было национальной проблемой, спутник обозначил как общепризнанный кризис»⁶. Как было отмечено в другом, но уже научном журнале, «наука и образование теперь стали главным полем битвы холодной войны»⁷.

В июне 1958 г., выступая в Университете Айовы с докладом «Советский вызов и американское образование», помощник секретаря по делам международных организаций Государственного департамента Фрэнсис Уилкоккс объяснил первенство Советского Союза в запуске спутника сильной системой науки и образования, которую удалось выстроить благодаря авторитарному режиму: «Повышенная производительность СССР, в частности в области науки и технологий, в значительной степени является продуктом советского образования. У Советского Союза приоритетное значение отводится подготовке ученых и инженеров в школах и университетах. Это относительно простая задача для авторитарного государства, в котором народу могут говорить, что они должны делать». В то же время, характеризуя советское образование, он выразил восхищение тем, что в общей сложности 10 млн советских студентов изучают английский язык: «Для сравнения, в половине наших вузов не преподается никакой иностранный язык. В тех же, в которых преподается, менее 15 % студентов изучают иностранный язык даже меньше, чем один год. Лишь 8 тыс. американских студентов изучают русский язык, а тех, кто изучает африканский и азиатские языки, еще меньше... Советское образование — это мощная сила, заслуживающая того, чтобы считаться с ней. Как что-либо еще в России, оно направлено на потребности государства; оно является важным инструментом в процессе осуществления экспансионистской политики советского империализма. Оно тщательно координируется в соответствии с целями советской внешней политики»⁸.

Роль спутника в реформировании системы образования подтверждается также воспоминаниями тех, кто ощутил на себе его влияние. Некоторые из этих воспоминаний вошли в сборник «Первая космическая», опубликованный в 2007 г. к 50-летию исторического события. Он содержит статьи 52 выдающихся отечественных и зарубежных ученых, инженеров, космонавтов, писателей, общественных деятелей разных стран, связавших свою жизнь и работу с космосом. В некоторых из них, принадлежащих перу американских специалистов, отмечается влияние первого советского спутника на систему американского образования. Так, в статье директора Геофизической лаборатории Института Карнеги в Вашингтоне Уэсли Т. Хантресса-мл. отмечалось: «Реакция в Америке на запуск спутника была грандиозна. Есть определенная правда во мнении, что спутник вызвал в большей степени революционные изменения в США, нежели повлиял на изменение политического курса в СССР. Спутник изменил целое направление развития американского образования, науки и техники, военной и международной политики. В следующее десятилетие школы США выпустили больше ученых и инженеров, чем в любое другое время»⁹. Специалист в области физики планетных атмосфер,

профессор Института астрономии Гавайского университета Тобиас С. Оуэн писал: «Политическая реакция Соединенных Штатов последовала незамедлительно и была очень острой. Американцы привыкли к мысли, что они лидируют повсюду, являются мировыми новаторами в технике. А здесь весь мир явно увидел, что это мнение — не более чем миф. Такое замешательство! Буквально паника! Сразу же в колледжах и университетах появились курсы изучения русского языка. Передовые статьи в газетах поносили убогое состояние американского образования и требовали усилить преподавание математики, физики и инженерных наук, “так, как этим дисциплинам учат в Советском Союзе!”»¹⁰.

Один из основателей и исполнительный директор Планетного общества Лу Фридман подчеркивал социальное и культурное влияние спутника: «В США запуск спутника инициировал революцию в сфере образования, которая принесла пользу и персонально мне. Публично занижая значимость спутника, президент Эйзенхауэр инициировал Образовательный акт национальной обороны, чтобы ликвидировать опасный разрыв, который, как считалось, существует между уровнями образования американских и советских студентов. Этот законопроект оплатил большую часть моей учебы в университете»¹¹.

Прежде чем показать влияние запуска спутника на ускорение процесса подписания соглашения между СССР и США об обменах в области науки и образования, сделаем небольшой экскурс в историю становления обменных программ между двумя странами.

В отличие от СССР в Соединенных Штатах программы обменов реализовывались с 1920-х гг. и очень быстро стали рассматриваться как часть культурной дипломатии¹²; для этого не требовалось заключения межправительственных соглашений. В Советском Союзе, напротив, такие соглашения были необходимы. Попытки инициировать обмены между СССР и США предпринимались американской стороной после окончания Второй мировой войны, однако все они были безуспешными¹³. Лишь в период хрущевской оттепели появились первые признаки возможности возобновления переговоров о заключении межправительственного протокола об обменах. В частности, в июле 1955 г. на Женевском совещании глав правительств четырех держав (СССР, США, Великобритании и Франции) обсуждался вопрос о развитии контактов между Востоком и Западом. Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин отметил: «Женевское совещание открыло дорогу для дальнейшего совместного рассмотрения и решения назревших международных проблем. Мы приняли также важное решение о необходимости развития контактов между Востоком и Западом, о развитии и укреплении экономических и культурных связей между нашими государствами. Тем самым мы заложили основу для расширения сотрудничества между нашими странами»¹⁴. 31 октября 1955 г. главы внешних ведомств четырех стран собрались в Женеве для обсуждения конкретных предложений о восточно-западных контактах. Предложения США, Великобритании и Франции включали три основных направления развития контактов: 1) свобода обмена информацией и идеями; 2) свобода обмена гражданами и путешествия; 3) развитие торговли между Востоком и Западом. Особо выделялись: обмены в профессиональных, культурных, научных и технических областях; встречи известных ученых четырех стран на международных конгрессах; обмены в области

культуры и спорта на взаимной основе; начало обменов студентами, в первую очередь теми, кто изучает языки и страноведческие дисциплины¹⁵. Несмотря на продолжающееся обсуждение возможностей контактов между Востоком и Западом, уже в 1955–1957 гг. на взаимной основе осуществлялись поездки делегаций специалистов СССР и США в различных областях народного хозяйства, науки и техники. С созданием в 1956 г. Межуниверситетского комитета по выдаче грантов на поездки (*Inter-University Committee on Travel Grants*) на короткий период в СССР приезжали американские ученые и преподаватели в одностороннем порядке¹⁶. Об обменах студентами и преподавателями тогда не было и речи.

Не все члены Совета национальной безопасности (далее — СНБ) США восприняли предложение об образовательных обменах с СССР с энтузиазмом. В частности, на заседании СНБ в октябре 1955 г. вспыхнула дискуссия между госсекретарем Джоном Фостером Даллесом, директором Информационного агентства Теодором Стрейбертом и директором ЦРУ Алленом Даллесом о целесообразности осуществления образовательных контактов. Лишь Джон Ф. Даллес стоял на позиции скорейшего начала обменов. Все остальные члены СНБ были против образовательных контактов с СССР, считая радиопропаганду более эффективным способом воздействия на советских людей. Но позиция госсекретаря победила. В июне 1956 г. СНБ принял известную политическую директиву № 5607 об обменах между Востоком и Западом (*East-West Exchange*), в которой отчетливо прозвучали цели США в осуществлении образовательных обменов и методы их реализации¹⁷. В отношении СССР ставилась цель создания такого режима, который откажется от захватнической политики, построения коммунизма во всем мире и деспотической власти. Что касается стран Восточной Европы, то здесь важным представлялось их выведение из-под контроля Москвы, которое могло быть достигнуто в том числе с помощью поддержки национализма через возрождение исторических традиций этих народов. Для достижения поставленных целей предлагалось использовать программы обменов, которые в значительной степени, как указывалось в директиве, должны инициироваться самими Соединенными Штатами¹⁸.

В результате принятия директивы в Государственном департаменте США была учреждена должность специального помощника государственного секретаря по восточно-западным контактам, которую занял Уильям Лейси.

Стремление СССР к подписанию соглашения с США объяснил участник событий Э. А. Иванян: «На необходимости заключения соглашения об обменах настаивала в первую очередь советская сторона, убежденная в том, что это первое в истории советско-американских отношений столь объемное соглашение создаст договорно-правовую основу для развития культурных и научных связей между двумя странами. Подключение к осуществлению таких связей американских правительственных ведомств в лице Государственного департамента и Информационного агентства США должно было, по мнению советской стороны, внести в научно-культурное сотрудничество двух стран привычный для советской бюрократии элемент плановости и, вместе с тем, обеспечить его подконтрольность советским государственным органам. Согласившись в конечном счете на заключение этого соглашения, американская сторона рассчитывала прежде всего на то, что, перенеся культурный обмен на государственный уровень, Соединенные

Штаты намного легче смогут добиться строгого соблюдения принципа полной взаимности»¹⁹. В телеграмме, направленной Государственным департаментом США в Посольство СССР 13 ноября 1956 г., в качестве причины приостановки действия Программы об обменах между Востоком и Западом, реализуемой в соответствии с директивой № 5607, указывался ввод советских войск в Венгрию с целью подавления восстания²⁰.

Напряженное состояние советско-американских отношений продлилось недолго. Уже в марте 1957 г. государственный секретарь США Дж. Даллес направил президенту Д. Эйзенхауэру докладную записку о возобновлении американско-советских обменов, которая начиналась словами: «Вы помните, что официально финансируемые обмены делегациями между Соединенными Штатами и СССР были приостановлены в ноябре прошлого года. С тех пор в этом отношении не было предпринято никаких инициатив, несмотря на то что цели директивы СНБ № 5607 относительно обменов с СССР сейчас кстати как никогда». В заключение Дж. Даллес просил американского президента разрешить Государственному департаменту «в национальных интересах постепенно и осторожно возобновить серию официально финансируемых обменов с СССР во исполнение целей директивы СНБ № 5607 и потребностей нашей разведки»²¹.

Лишь в конце октября 1957 г., после запуска спутника, начинаются переговоры об обменах. Незадолго до этого Специальный комитет по советским вопросам Комитета по координации операций Совета национальной безопасности подготовил предложения по количеству участников программ студенческих обменов с СССР и странами Восточной Европы, а также привел ориентировочные суммы расходов²². В отношении Советского Союза США предлагался обмен студентами по 20 чел. с каждой стороны. В отчете обращалось внимание на то, что с инициативой включить в повестку обсуждения, запланированного на конец октября, вопрос о студенческих обменах выступило советское внешнее ведомство.

Переговоры по вопросам расширения контактов и связей между двумя странами начались в Вашингтоне 28 октября 1957 г., как и было запланировано. Они завершились подписанием 27 января 1958 г. в Вашингтоне Соглашения об обменах в области культуры, техники и образования. Раздел X Соглашения был посвящен обменов университетскими делегациями, в число которых входили профессора, преподаватели и студенты²³. В частности, в п. 3 отмечалось: «Обе стороны обеспечат обмен студентами между Московским и Ленинградским университетами, с одной стороны, и американскими университетами — с другой стороны, в количестве 20 человек с каждой стороны на 1958/59 учебный год. На 1959/60 учебный год это количество составит 30 человек. Состав групп студентов определяется каждой стороной»²⁴. Соглашение 1958 г. продлевалось и дополнялось вплоть до 1973 г., когда было подписано долгосрочное Общее соглашение между СССР и США о контактах, обменах и сотрудничестве на срок до 31 декабря 1979 г. Поскольку программы обменов были инициированы с политической целью оказания влияния на другую страну с помощью экспорта своей культуры непосредственно через участников обменов, то неудивительно, что политические отношения между двумя странами оказывали на них давление, а иногда и тормозили их развитие.

Вслед за подписанием Соглашения об обменах в области культуры, техники и образования в июле 1959 г. было подписано Соглашение в области основных наук между Академией наук СССР и Национальной академией наук США.

После запуска спутника Соединенные Штаты стали проявлять интерес к Советскому Союзу уже не только как к объекту директивы СНБ № 5607, но и с целью изучения советской системы образования и науки. У них появилась возможность изучить СССР изнутри, чего они были лишены прежде в силу закрытости нашей страны для иностранцев. Этим стремлением объясняется то, что в Советский Союз в рамках обменов студентами, аспирантами и учеными приезжали по большей части представители гуманитарных наук. В отношении советских участников ситуация была противоположной, что было связано с целью получения доступа к новейшим технологиям. Эта тенденция сохранялась все последующие годы.

Развитию программ обменов в значительной степени способствовал Закон об образовании в целях национальной обороны²⁵. Его целью было усиление национальной обороны при помощи федеральной финансовой поддержки, выделяемой на расширение и качественное развитие образовательных программ, отвечающих важнейшим национальным потребностям. В соответствии с Законом предусматривались: предоставление кредитов студентам на обучение в вузах; выделение финансовых средств на улучшение и закупку оборудования, предназначенного для преподавания естественнонаучных дисциплин, математики и современных иностранных языков в учреждениях среднего и высшего образования; назначение стипендий аспирантам; обучение иностранным языкам; финансирование открытия центров консультирования и тестирования студентов, а также программ подготовки специалистов по работе с одаренными студентами; развитие профессиональных образовательных программ; проведение научных и экспериментальных исследований по более эффективному использованию средств массовой информации в образовательных целях; учреждение службы научной информации. Один из разделов Закона, а именно разд. VI «Совершенствование иностранных языков» (*Language Development*), содержательно трактовался гораздо шире своего названия²⁶. Он послужил отправной точкой для развития советско-американских научных связей и вывел на новую орбиту советско-американские отношения в области науки и образования. Согласно этому разделу финансовые средства выделялись вузам, создавшим в своей структуре или уже имеющим центры преподавания современных иностранных языков в период с 1 июля 1958 г. по 30 июня 1962 г. Перечень языков определялся на основании запросов со стороны федерального правительства, бизнеса, промышленности и сферы образования. Предпочтение отдавалось языкам, обучение которым не было распространено в США. Предусматривалось изучение не только иностранного языка, но и страны, в которой этот язык был государственным. В перечень обязательных дисциплин входили история, политология, лингвистика, экономика, социология, география и антропология. Выделяемые средства также могли расходоваться на выдачу грантов персоналу центра для финансирования поездок в изучаемые страны, а также визитов приглашенных иностранных ученых, прибывающих в США с целью чтения лекций или консультирования по вопросам деятельности центра.

Выделялись также субсидии физическим лицам на изучение любого из современных иностранных языков в рамках дополнительных образовательных программ. Эти субсидии покрывали расходы, связанные с поездкой в страну изучаемого языка (транспорт и проживание), в том числе расходы членов семьи, при условии, что по завершении обучения получатель субсидии будет преподавать этот язык в вузе или работать на государственной службе.

Финансовая поддержка оказывалась исследованиям, направленным на улучшение преподавания современных иностранных языков и других дисциплин, необходимых для полного понимания страны или региона, в которых эти языки были государственными, а также исследованиям, направленным на разработку учебных материалов и повышение квалификации преподавателей. Кроме этого, выделялись субсидии на подготовку специалистов для преподавания иностранных языков в начальной и средней школах.

В 1959 г. на основе отчета Американского совета научных сообществ (*American Council of Learned Societies*) были определены шесть крайне необходимых для изучения иностранных языков: китайский, японский, арабский, хинди-урду, португальский и русский. Далее выделялись еще две группы приоритетных языков, в которые вошли 18 и 59 языков соответственно²⁷. Поскольку первоначально акцент разд. VI ставился на обучение иностранным языкам, то страноведению отводилась второстепенная роль²⁸.

Раздел VI был своего рода обновленной версией Армейской специализированной программы подготовки (*Army Special Training Program*), реализация которой началась в 1942 г.²⁹ Тогда в таких университетах, как Корнельский, Индианский, организовывались курсы финского, польского, чешского, венгерского, сербохорватского, албанского, русского языков для офицеров и военнослужащих. На базе этих и других университетов после Второй мировой войны стали открываться лингвострановедческие программы, а с принятием Закона об образовании в 1958 г. в их структуре были созданы центры по изучению СССР и стран Восточной Европы: в Индианском университете (1958)³⁰, Университете Мичигана (1959), Университете Иллинойса в Урбана-Шампейне (1959), Джорджтаунском университете (1959) и т. д.

На форсированное создание русских институтов и славянских факультетов в США в связи с запуском спутника указывал в своем отчете об итогах стажировки в Колумбийском университете еще в 1959 г. А. Н. Яковлев: «Срочная подготовка научных и пропагандистских кадров в США нуждается во внимании и требует, на мой взгляд, необходимых ответных мер. Первой из них может явиться сосредоточение научно-исследовательской работы в одном, возможно, новом учреждении. Расширение и введение новых курсов в институтах и университетах, усиление изданий работ по США и другие меры также нуждаются в рассмотрении, учитывая длительную предстоящую идеологическую борьбу, к которой в Соединенных Штатах ведется активная и ускоренная подготовка»³¹.

В 1959 г. университетские центры по изучению регионов получили статус национальных ресурсных центров. В соответствии с разд. VI Закона об образовании в целях национальной обороны Федеральное управление образования инициировало Программу национальных ресурсных центров (*National Resource*

Centers Program), которая реализуется в США до сих пор в соответствии с Законом о высшем образовании 1965 г.³²

Помимо федерального правительства финансовые средства выделяли частные фонды. Так, в 1960–1967 гг. Фонд Форда ежегодно выделял около 27 млн долларов на обучение и исследования в области зарубежного страноведения³³.

Наряду с программой двусторонних обменов существовала программа односторонних обменов, по которой американские студенты изучали в Советском Союзе русский язык. Это программа курировалась Советом по международному образовательному обмену (*Council on International Educational Exchange*), который в 1966 г. начал отправлять американских студентов в Ленинградский государственный университет. Ежегодно двести американцев приезжали в Ленинград на летний период или интенсивные языковые курсы (один-два семестра). Другая программа — Американского совета преподавателей русского языка и литературы — реализовывалась в Московском институте русского языка им. А. С. Пушкина.

В завершение сформулируем положительные последствия влияния запуска советского спутника на развитие советско-американских отношений в области науки и образования.

Несмотря на то что обсуждение программ обменов между Востоком и Западом началось в 1955 г. на совещании в Женеве, именно запуск спутника дал новый импульс переговорному процессу. После 4 октября 1957 г. возрос научный авторитет Советского Союза, с чем американское руководство уже не могло не считаться, учитывая в том числе критику в своей стране в адрес системы образования. Что касается СССР, то после запуска спутника он вступил в переговорный процесс, имея сильные позиции благодаря своему возросшему авторитету.

В результате принятия Закона об образовании в целях национальной обороны свои позиции закрепила новая отрасль американской исторической науки — русистика, которая в первой половине XX в. развивалась преимущественно за счет русских эмигрантов, преподававших в американских университетах. Открытие исследовательских центров по изучению СССР позволило подготовить новое поколение специалистов американского происхождения, которые стали занимать не только университетские должности, но и руководящие посты в других сферах. По сути, приняв этот Закон, американское государство выступило заказчиком в подготовке квалифицированных кадров, в некоторой степени следуя советской политике — направленности системы образования на потребности государства (вспомним выступление Фрэнсиса Уилкокса, процитированное выше). Если первоначально в США проявлялось внимание лишь к советской науке и образованию, то с подписанием Соглашения об обменах и принятием Закона об образовании в целях национальной обороны американские ученые пошли еще дальше, расширив границы своих исследований о Советском Союзе. Особенно это касалось историков. Они смогли оживить свои представления о советской действительности, которую раньше изучали лишь по книгам. «Культурные обмены, — пишет в своих воспоминаниях историк Грегори Фриз, участник советско-американских обменов, — помогли дать русистам более глубокое понимание советского общества и культуры. Прежде всего, обмены позволили молодым исследователям погрузиться в русскую культуру... выйти за пределы письменного текста, лучше

понять повседневность того, что не появляется в советской прессе и академических журналах, или, по правде говоря, и в художественной литературе и поэзии»³⁴. Темы, которые исследовали американские стажеры, редко становились предметом исследований советских ученых. Таким образом, они заполнили лакуны в изучении русской истории, что в условиях идеологических барьеров не решались в то время сделать советские историки³⁵. Последующее постсоветское сокращение государственного финансирования русистики в США привело к снижению уровня экспертизы и проблеме разрыва поколений, что сегодня напрямую отражается на российско-американских отношениях.

¹ Раушенбах Б.В. Пристрастие. М., 1997. С. 376.

² Killian J. R. Sputnik, Scientists, and Eisenhower: A Memoir of the First Special Assistant to the President for Science and Technology. Cambridge, 1977; Barksdale C. B. Brainpower for the Cold War: the Sputnik Crisis and National Defense Education Act of 1958 (Contributions to the Study of Education). Westport, 1981; Reconsidering Sputnik: Forty Years since the Soviet Satellite / ed. by R. D. Lanius, J. M. Logsdon, R. W. Smith. London, 2000; Finn C. E. Jr. Troublemaker: A Personal History of School Reform since Sputnik. Princeton, 2008; Urban W. J. More than Science and Sputnik: the National Defense Education Act of 1958. Tuscaloosa, 2010; Mieczkowski Y. Eisenhower's Sputnik Moment: the Race for Space and World Prestige. Ithaca, 2013.

³ По словам американского географа и советолога Чонси Харриса, «русские стимулировали у Соединенных Штатов критическую самооценку, которая по времени совпала со вторым этапом основной правительственной поддержки региональных и языковых программ через реализацию Закона об образовании в целях национальной обороны. В соответствии с п. VI NDEA было учреждено 55 языковых и страноведческих центров» (Chauncy H. D. Area Studies and Library Resources [with Discussion] // The Library Quarterly: Information, Community, Policy. 1965. Vol. 35, no. 4: Proceedings of the Thirtieth Annual Conference of the Graduate Library School, May 20–22, 1965: Area Studies and the Library (Oct., 1965). P. 209).

⁴ Stone J. The Myth of the Sputnik Moment: Contesting the Dominant Narratives of the NDEA of 1958. 2013. URL: <https://osuokc.academia.edu/JasonStone> (дата обращения: 05.11.2016).

⁵ Herold J. Sputnik in American Education: a History and Reappraisal // McGill Journal of Education / Revue des sciences de l'éducation de McGill. 1974. Vol. 9, no. 002. P. 144.

⁶ Crisis in Education // Life. 1958. March 24. P. 25.

⁷ Bonner T. N. Sputniks and the Educational Crisis in America // Journal of Higher Education. 1958. Vol. 29, no. 4 (April). P. 178.

⁸ Wilcox F. The Soviet Challenge and American Education // The Department of State Bulletin. 1958. July 7. P. 26.

⁹ Хантпресс-мл. У.Т. День, который будут помнить // Первая космическая: сб. стат., посвященных 50-летнему юбилею запуска первого искусственного спутника Земли / науч. ред. А. В. Захаров. М., 2007. С. 29.

¹⁰ Оуэн Т. С. Мир после спутника // Там же. С. 294.

¹¹ Фридман Л. Размышления к 50-й годовщине Спутника // Там же. С. 324.

¹² Политика культурной дипломатии США достаточно подробно рассмотрена в следующих работах: Ву Л. Making the World Like Us: Education, Cultural Expansion, and the American Century. Westport, 2003; Цветкова Н. А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире: 1914–2014 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015.

¹³ Подробнее об этом см.: Byrnes R. F. Soviet-American Academic Exchanges, 1958–1975. Bloomington, 1976. P. 31–35.

¹⁴ Заявление Н. А. Булганина на Женевском совещании (18–23 июля 1955 г.) // Правда. 1955. 24 июля.

¹⁵ Four Foreign Ministers Discuss East-West Contacts and European Security // The Department of State Bulletin. 1955. November 14. P. 776, 779.

¹⁶ Межуниверситетский комитет по выдаче грантов на поездки — предшественник Совета по международным исследованиям и обмену (*International Research & Exchanges Board*, IREX). Подробнее об этом см.: Крымская А. С. На пути к созданию АЙРЕКСа (конец 1950-х — 1960-е годы) // Поздний сталинизм и эпоха Хрущева в Советском Союзе: вторая половина 1940-х — первая половина 1960-х гг.: тезисы Междунар. науч. конф., 7–8 окт. 2010 г., Санкт-Петербург. СПб., 2010. С. 30–32.

¹⁷ Цветкова Н. А. Восточноевропейское направление образовательной политики США в годы «холодной войны»: создание и развитие движения диссидентов // Америка и мир: история и современность: сб. ст. в честь 70-летия проф. Б. А. Ширяева. СПб., 2006. С. 33–58.

¹⁸ National Security Council Report. NSC 5607 // Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Soviet Union, Eastern Mediterranean / ed. by Ronald D. Landam, Aaron D. Miller, Charles S. Sampson. Vol. XXIV. Washington, 1989. P. 243–246.

¹⁹ Иванян Э. А. Когда говорят музы: история российско-американских культурных связей. М., 2007. С. 342.

²⁰ Telegram from the Department of State to the Embassy in the Soviet Union // Foreign Relations of the United States, 1955–1957... P. 253–254. — По словам Э. А. Иваняна, взаимные договоренности о культурном обмене были отменены в результате разразившегося Суэцкого кризиса (Иванян Э. А. Когда говорят музы... С. 342).

²¹ Memorandum from the Secretary of State to the President [March 27, 1957] // Foreign Relations of the United States, 1955–1957... P. 258–259.

²² Report by the Operations Coordinating Board's Special Committee on Soviet and Related Problems [October 14, 1957] // Foreign Relations of the United States, 1955–1957... P. 259–266.

²³ Подробнее об этом см.: Крымская А. С. Становление и развитие института американских стажеров в Санкт-Петербурге. СПб., 2014. С. 63–64.

²⁴ Первоначально принимающими советскими университетами были ЛГУ и МГУ. География университетских городов, принимающих американских стажеров, начала постепенно расширяться с 1961/62 учебного года. Об этом см.: Там же. С. 80–81.

²⁵ Американский историк, специалист по России Грегори Фриз отметил отражение в названии закона геополитических мотивов (Фриз Г. Америка-советские обмены в области науки и культуры: влияние на историческую науку // Крымская А. С. Становление и развитие института американских стажеров в Санкт-Петербурге. СПб., 2014. С. 242).

²⁶ National Defense Education Act (NDEA) (Public Law 85-864): [An Act to strengthen the national defense and to encourage and assist in the expansion and improvement of educational programs to meet critical national needs and for other purposes] // United States Statutes at Large. 1958. Vol. 72. P. 1593–1595.

²⁷ К концу 1962 г. федеральную поддержку получили 56 из 83 критически важных языков, учреждено 53 лингвострановедческих центра в структуре вузов (*Steiner-Khamsi Gita*. Comparison: Quo vadis? // International Handbook of Comparative Education / ed. by R. Cowen and A. M. Kazamias. Dordecht. Vol. 22. Part 2. London, 2009. P. 1146).

²⁸ Scarfo R. D. The History of Title VI and Fulbright-Hays // International Education in the New Global Era: Proceedings of a National Policy Conference on the Higher Education Act, Title VI, and Fulbright-Hays Programs / ed. by J. N. Hawkins et al. Los Angeles, 1998. P. 23.

²⁹ Merckx G. W. International studies in the US: an overview (2012) // Global Dimensions of Scholarship and Research Libraries: A Forum on the Future. URL: <https://www.crl.edu/sites/default/files/d6/attachments/events/Duke%20Conference%20Merckx%20paper.pdf>. P. 2 (дата обращения: 05.11.2016). — Подробнее об этом см.: Крымская А. С. Из истории преподавания русского языка в Индианском университете в 1940–1960-е годы // Роман с Клио: сб. науч. ст. и юбилейных мат-лов, посвященный 60-летию С. Н. Полторака / науч. ред. А. Н. Еремеева, В. С. Измозик. СПб., 2016. С. 396–403.

³⁰ Об Индианском университете см.: Крымская А. С. Статус и роль Индианского университета в системе подготовки американских специалистов в области «Soviet studies» в 1960–1970-е годы // Известия Смоленского гос. ун-та. 2015. № 1. С. 221–233.

³¹ Записка А. Н. Яковлева в ЦК КПСС о некоторых итогах стажировки в Колумбийский университет (США) (осень 1959 г.) // Альманах «Россия. XX век». URL: <http://www.>

alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1000046 (дата обращения: 28.04.2016). — В ответ на это в Советском Союзе в 1969 г. был создан Институт США и Канады, который возглавил выпускник факультета международных отношений МГИМО Г. А. Арбатов.

³² В разд. VI «Международные образовательные программы» указывается: «Безопасность, стабильность и экономическая жизнеспособность Соединенных Штатов в сложную глобальную эпоху зависят от их американских экспертов и граждан, знающих регионы мира, иностранные языки и международные проблемы, а также от сильной научно-исследовательской базы в этих областях» (Higher Education Act of 1965. URL: http://legcounsel.house.gov/Comps/HEA65_CMD.pdf (дата обращения: 11.11.2016)).

³³ *Merkx G. W.* Outreach in Foreign-Area Studies Centers // *Journal of Public Service and Outreach*. 1998. Vol. 3, no. 3. P. 11.

³⁴ *Фриз Г.* Американско-советские обмены в области науки и культуры: влияние на историческую науку // *Американские стажеры в Советском Союзе: воспоминания* / сост. А. С. Крымская. Брянск, 2013. С. 68.

³⁵ Об этом см.: *Большакова О. В.*: 1) П. А. Зайончковский и американская русистика 1960–1980-х гг. // *Петр Андреевич Зайончковский: сб. стат. и восп. к столетию историка* / сост. Л. Г. Захарова, С. В. Мироненко, Т. Эммонс. М., 2008. С. 828–842; 2) *Поверх барьеров: американская русистика после холодной войны*. М., 2013; *Крымская А. С.* Становление и развитие института американских стажеров в Санкт-Петербурге. СПб., 2014.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Крымская А. С. Первый советский спутник как ускоритель реформы американского образования: к 60-летию исторического события // *Новейшая история России*. 2017. № 3 (20). С. 209–222.

УДК 629.783(47+57)“1957”:37.014.3(73)

Аннотация: Запуск спутника в СССР в октябре 1957 г. имел внутривнутриполитическое значение для США. Он привел к пересмотру американской системы образования, результатом которого стало принятие Конгрессом США в 1958 г. Закона об образовании в целях национальной обороны. Его целью было усиление национальной обороны при помощи федеральной финансовой поддержки, выделяемой на расширение количества образовательных программ, отвечающих важнейшим национальным потребностям. На протяжении 60 лет в США продолжаются дискуссии о влиянии спутника на реформирование американского образования. В научной и публицистической литературе приводятся различные доводы за и против, которые рассмотрены в настоящей статье. Предпринята попытка показать влияние запуска спутника на ускорение проведения переговоров по соглашению об обменах между СССР и США в области культуры, техники и образования и окончательное формирование новой отрасли американской исторической науки — русистики. Особое внимание уделяется содержанию разд. VI Закона об образовании в целях национальной обороны. В соответствии с ним оказывалась финансовая поддержка высшим учебным заведениям, создавшим в своей структуре или уже имеющим центры преподавания современных иностранных языков. Результаты реализации данного пункта проявились в том же году, когда в разных штатах в университетах стали создаваться структурные подразделения в области русских и восточноевропейских исследований. Это стало отправной точкой для нового этапа развития советско-американских отношений в области науки и образования.

Ключевые слова: советский спутник, Закон об образовании в целях национальной обороны, США, СССР, научный обмен, американское образование, русские и восточноевропейские исследования.

Сведения об авторе: *Крымская А. С.* — кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Санкт-Петербург, Россия); krumskayaalbina@gmail.com

FOR CITATION

Krymskaya A. S. The First Soviet Sputnik as an Impetus to the Reform of American Education: On the 60th Anniversary of this Historic Event, *Modern History of Russia*, no. 3, 2017, pp. 209–222.

Abstract: The Soviet Union's October 1957 launching of Sputnik was of domestic political importance to the US. It led to a review of the US education system, which resulted in the adoption of the National Defense Education Act by the US Congress in 1958. Its purpose was to strengthen the national defense by appropriating federal financial support to increase the number of educational programs responding to critical national needs. Discussion of Sputnik's influence on the reform of American education has continued for 60 years. In the scientific and journalistic literature various arguments have been advanced for and against satellite's influence, which are discussed in this article. It attempts to show the satellite's impact on accelerating negotiations for exchange agreements between the USSR and the USA in the fields of culture, technology and education, and ultimately creating a new branch of American historical scholarship — Russian Studies. Particular attention is paid to the content of Section VI of the NDEA. It provided financial support to higher education institutions that established or already had in place modern foreign languages centers. The results of the implementation of this paragraph were evident in the same year, as universities in different states began establishing Russian and East European Studies Centers. It became the starting point for a new stage in the development of Soviet-American relations in the field of science and education.

Keywords: Soviet Sputnik, National Defense Education Act, USA, USSR, academic exchange, American education, Russian and East European studies.

Author: *Krymskaya A. S.* — Candidate of Pedagogical Studies, Assistant Professor, St. Petersburg State University of Culture (St. Petersburg, Russia); krymskayaalbina@gmail.com

References:

- Barksdale C. B. *Brainpower for the Cold War: the Sputnik Crisis and National Defense Education Act of 1958* (Westport, 1981).
- Bolshakova O. V. 'P. A. Zayonchkovskiy i amerikanskaya rusistika 1960–1980-kh gg.', *Petr Andreevich Zayonchkovskiy: sb. stat. i vosp. k stoletiyu istorika*, Comp. by L. G. Zakharova, S. V. Mironenko, T. Emmons (Moscow, 2008).
- Bolshakova O. V. *Poverh barierov: Amerikanskaya rusistika posle kholodnoy voyny* (Moscow, 2013).
- Bonner T. N. 'Sputniks and the Educational Crisis in America', *Journal of Higher Education*, Vol. 29, iss. 4 (April), 1958.
- Bu L. *Making the World Like Us: Education, Cultural Expansion, and the American Century* (Westport, 2003).
- Byrnes R. F. *Soviet-American Academic Exchanges, 1958–1975* (Bloomington, 1976).
- Chauncy H. D. 'Area Studies and Library Resources [with Discussion]', *The Library Quarterly: Information, Community, Policy*, Vol. 35, Iss. 4, 1965.
- 'Crisis in Education', *Life*, March 24 1958.
- Finn C. E. Jr. *Troublemaker: A Personal History of School Reform Since Sputnik* (Princeton, 2008).
- Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Soviet Union, Eastern Mediterranean*, Vol. XXIV (Washington, 1989).
- 'Four Foreign Ministers Discuss East-West Contacts and European Security', *The Department of State Bulletin*, 14 November 1955.
- Friedman L. 'Razmyshleniya k 50-j godovshchine Sputnika', *Pervaya kosmicheskaya: sb. stat., posvyashch. 50-letnemu yubileyu zapuska pervogo iskusstvennogo sputnika Zemli*, ed. by A. V. Zakharov (Moscow, 2007).
- Friz G. 'Amerikano-sovetskie obmeny v oblasti nauki i kultury: vliyaniye na istoricheskuyu nauku', *Amerikanskiye stazhery v Sovetskom Soyuze: vospominaniya*, Comp. by A. S. Krymskaya (Bryansk, 2013).
- Herold J. 'Sputnik in American Education: a History and Reappraisal', *McGill Journal of Education / Revue des sciences de l'éducation de McGill*, Vol. 9, Iss. 002, 1974.
- Huntress W. T. Jr. 'Den', kotoryj budut pomnit!', *Pervaya kosmicheskaya: sb. stat., posvyashch. 50-letnemu yubileyu zapuska pervogo iskusstvennogo sputnika Zemli*, ed. by A. V. Zakharov (Moscow, 2007).
- Ivanyan E. A. *Kogda govoryat muzy: istoriya rossiysko-amerikanskikh kulturnykh svyazey* (Moscow, 2007).
- Killian J. R. *Sputnik, Scientists, and Eisenhower: A Memoir of the First Special Assistant to the President for Science and Technology* (Cambridge, 1977).

- Krymskaya A. S. 'Iz istorii prepodavaniya russkogo yazyka v Indianskom universitete v 1940–1960-e gody', *Roman s Klio: sbornik nauchnykh statej i yubilejnykh materialov, posvyashchennyj 60-letiyu S. N. Poltoraka*, ed. by A. N. Ereemeeva, V. S. Izmozik (St. Petersburg, 2016).
- Krymskaya A. S. 'Na puti k sozdaniyu AJREKСа (konets 1950-kh–1960-e gody)', *Pozdnyj stalinizm i epokha Khrushcheva v Sovetskom Soyuze: vtoraya polovina 1940-kh — pervaya polovina 1960-kh gg.: tezisy Mezhdunar. nauch. konf., 7–8 okt. 2010 g.* (St. Petersburg, 2010).
- Krymskaya A. S. 'Status i rol Indianskogo universiteta v sisteme podgotovki amerikanskikh specialistov v oblasti "Soviet studies" v 1960-1970-e gody', *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, Iss. 1, 2015.
- Krymskaya A. S. *Stanovlenie i razvitie instituta amerikanskikh stazherov v Sankt-Peterburge* (St. Petersburg, 2014).
- Merkx G. W. 'Outreach in Foreign-Area Studies Centers', *Journal of Public Service and Outreach*, 1998, Vol. 3, Iss. 3.
- Mieczkowski Y. *Eisenhower's Sputnik Moment: the Race for Space and World Prestige* (Ithaca, 2013).
- Owen T. C. 'Mir posle sputnika', *Pervaya kosmicheskaya: sb. stat., posvyashch. 50-letnemu yubileyu zapuska pervogo iskusstvennogo sputnika Zemli*, ed. by A. V. Zakharov (Moscow, 2007).
- Raushenbakh B. V. *Pristrastie* (Moscow, 1997).
- Reconsidering Sputnik: Forty Years since the Soviet Satellite*, ed. by R. D. Lanius, J. M. Logsdon, R. W. Smith (London, 2000).
- Scarfo R. D. 'The History of Title VI and Fulbright-Hays', *International Education in the New Global Era: Proceedings of a National Policy Conference on the Higher Education Act, Title VI, and Fulbright-Hays Programs*, ed. by J. N. et al. Hawkins (Los Angeles, 1998).
- Steiner-Khamsi Gita. 'Comparison: Quo vadis?', *International Handbook of Comparative Education*, ed. by R. Cowen, A. M. Kazamias, Vol. 22, Part 2 (Dordrecht, London, 2009).
- Tsvetkova N. A. 'Vostochnoevropeyskoe napravlenie obrazovatelnoy politiki SSHA v gody "kholodnoj vojny": sozdanie i razvitie dvizheniya dissidentov', *Amerika i mir: istoriya i sovremennost: sbornik statej v chest' 70-letiya professora B. A. Shiryayeva* (St. Petersburg, 2006).
- Tsvetkova N. A. *Publichnaya diplomatiya kak instrument ideologicheskoy i politicheskoy ehkspansii SSHA v mire: 1914–2014 gg.* [Doctor of History Dissertation] (St. Petersburg, 2015).
- Urban W. J. *More than science and Sputnik: the National Defense Education Act of 1958* (Tuscaloosa, 2010).
- Wilcox F. 'The Soviet Challenge and American Education', *The Department of State Bulletin*, July 7 1958.
- 'Zayavlenie N. A. Bulganina na Zhenevskom soveshchanii (18–23 iyulya 1955 g.)', *Pravda*, 24 July 1955.